

ЖАННЕТА БИРИЛЛО

Вильнюсский университет

Имя собственное как знаковый элемент культуры (по данным ассоциативного эксперимента)

Культуре каждого языка и народа присущи как языковые и культурные универсалии, так и национально-самобытные явления, отражающие специфику образа жизни, быта, традиций, концептуальный мир народа, запечатленные в значении языковых единиц. Основной целью сопоставительного лингвострановедения является “изучение выраженной в языке национальной культуры, обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации представителей конкретных языков и культур” [Томахин 1986, 253].

Ономастика любого языка тесно связана с историей народа, в языке которого она возникла и функционирует как знак соответствующей культуры. Онимы изучаются во многих разделах языкознания, в том числе и в лингвострановедения. “Лингвострановедческий подход к именам собственным как наиболее ярким носителям национальной культуры в языке был порожден потребностями сопоставительной лингвистики, нуждами адекватного понимания и передачи знаний во всей полноте нюансов и оттенков в межкультурной коммуникации и переводе, возросшими требованиями в практике преподавания иностранных языков, когда язык стал изучаться в тесной связи с культурой данной страны” [Томахин 1991, 88]. Репертуар имен собственных (здесь и далее ИС), отобранных общественным сознанием в процессе исторического развития социума, отражает ментальность народа, его морально-нравственные и эстетические ценности. Как считают исследователи, ИС “социальны и историчны, так как отражают не только общественные вкусы той или иной эпохи, но и характеризуют мировоззрения людей, их общественные взаимоотношения, их идеологию и, наконец, общественные традиции” [Суперанская 1973, 242]. Носители языка сопрягают с ИС широкий круг знаний, включающих “бытовые и литературные ассоциации, общеизвестные для данной

культурно-языковой общности, но не всегда известные за ее пределами, ассоциации социально-экономических и культурно-исторических планов” [Томахин 1982, 11], освоение которых происходит в процессе социализации личности.

Являясь одной из универсалий культуры, ИС выполняют функцию хранения и трансляции национального самосознания, истории, традиций, в силу чего являются сложным языковым знаком: “Значение имени — фактор его известности, фактор экстралингвистический. В семантике имени собственного сконцентрированы и речевые (адресные) и экстралингвистические энциклопедические (исторические, географические) сведения, и психологические, эмоциональные, аффективные моменты, и идеологическая направленность названия, и особенности его восприятия...” [Суперанская 1973, 323]. Когда говорится об отражении в ономастике языка культуры, то имеются в виду те общеизвестные ИС, референты которых сыграли важную роль в национальной и мировой культуре, приобрели в языке широкую известность, превратились в символы или даже перешли в имена нарицательные. Так А.В. Суперанская отмечает: “Если единообразные исторические, политические, бытовые и другие коннотации, связывающиеся у языкового коллектива с именем, по своей силе и яркости перерастают его прямое географическое или антропонимическое назначение, имя может превратиться в нарицательное” [1973, 285].

Исследователи ономастики утверждают, что ассоциации ИС намного превосходят круг ассоциаций имен нарицательных. Выявление ассоциаций ИС, ключевых для данной культуры, позволяет судить о значении ИС, о разнообразных эмоциях, сведениях, которые носители языка соотносят с ним, поскольку, согласно мнению теоретиков ономастики, “в семантику имени входят и субъективные, и объективные, социально обусловленные факторы, определяющие отношение человека к референту” [Суперанская 1973, 323]. Для определения социально значимых ассоциаций ИС широко используют ассоциативные эксперименты, которые представляют “большой интерес для сопоставительного изучения способов и средств номинации в разных языках” [Томахин 1986, 256]. Известно, что “рой ассоциаций”, соотносимых с ИС, не является чем-то раз навсегда данным: в зависимости от динамики окружающей жизни, ассоциации ИС модифицируются в течение жизни народа, т.к. “события, в которые оказывается вовлеченным объект, так или иначе, отражаются на характере лексического фона топонима, но и подчас отесняют старые или вносят определенные изменения в иерархию имеющихся значений” [Молчановский 1984, 12].

Наглядной иллюстрацией таких языковых процессов могут быть наблюдаемые нами изменения ассоциаций носителей русского языка на многие актуальные ИС-антропонимы, такие, как *Горбачев*, *Ельцин* и ряд других. Топоним *Екатеринбург*, некогда ассоциировавшийся в сознании русских с городом, названным в честь императрицы Екатерины II, сейчас у многих русских ассоциируется еще и с местом расстрела семьи царя Николая II, а топоним *Беловежская пуца* уже ассоциируется не только с заповедными лесами и их обитателями, но и с местом, где был подписан договор о прекращении существования СССР.

По мнению исследователей ономастики, если одна из ассоциаций в сознании большинства носителей языка перерастает в основную, ИС превращается в символ. Поэтому понятна важность роли ассоциаций в структуре значения ИС; знание же их ассоциаций необходимо для адекватного восприятия текста и коммуникации. Как известно, в энциклопедических словарях мы найдем научные, специально-профессиональные сведения, в толковых словарях семантизируется общезыковая семантика языковых единиц (ИС обычно в них не включаются вообще), но в этих словарях отсутствует описание национально-культурного компонента значения, коннотаций (эмоционально-эстетических ассоциаций).

В связи с изложенными выше соображениями становится понятной актуальность изучения ассоциативного фона, коннотаций культуроносных языковых единиц языка, создание лингвострановедческих словарей, отражающих динамику национально-культурной семантики слов, нужных не только иностранцам, но и носителям русского языка, особенно тем, кто оказался за пределами России. Актуальность сопоставительных исследований по словесным ассоциациям очевидна, поэтому, учитывая современную социолингвистическую ситуацию в Литве, мы полагаем, что сопоставительные исследования с ИС, отражающими реалии русской культуры, дают возможность выявлять ассоциации, сопрягаемые с этими ИС носителями литовского и русского языков, определять, как ИС представлены в их тезаурусе и прагматиконе¹.

В данной статье мы приводим материалы анализа результатов ассоциативного эксперимента с пятью ИС-стимулами: *Гжель*, *Кижис*, *Палех*, *Суздаль*, *Хохлома*. Эти ИС являются культуроносными языковыми единицами, репрезентирующими традиционную русскую народную культуру, ставшими символами художественного таланта русского народа и приобретшими не только общенародную, но и мировую известность. ИС были отобраны по лингвострановедческому словарю

Художественная культура СССР [1984] и предъявлены информантам в списке с другими ИС-антропонимами и апеллятивами. Для определения ассоциаций, соотносимых с именами-стимулами, мы предъявили их двум группам информантов — восьмидесяти информантам-литовцам и тридцати русскоязычным. Все информанты являлись студентами-медиками I–II курсов медицинского факультета Вильнюсского университета². Эксперимент проводился на родном языке испытуемых, которые в ответ на услышанное слово-стимул должны были записать первую пришедшую в голову вербальную ассоциацию. Все реакции литовских информантов, за исключением звукобуквенных, были переведены на русский язык. Классификация полученных реакций проводилась нами в соответствии с методикой, предложенной Ю.Н. Карауловым [1987]. Нам представляется, что подобная классификация позволяет более определенно сопоставить ассоциации, полученные от разных национальных языковых личностей. Согласно Ю.Н. Караулову, тезаурусные реакции распадаются на три группы: тематические, образно-ситуативные и клишированные элементы знаний о мире. Прагматические реакции характеризуются либо лексически выраженной эмоционально-оценочной составляющей, “либо эта оценочность оказывается скрытой за обращением испытуемых к прецедентным текстам” [Караулов 1987, 239].

В целом проведенный нами эксперимент показал, что у большинства молодых литовских информантов в когнитивных структурах отсутствуют представления, связанные с понятиями *Палех*, *Гжель*, *Хохлома*, *Суздаль*, *Кижи* у носителей русского языка и представителей русской культуры. Например, оним-стимул *Палех* у 55 литовских информантов вообще не вызвал никаких ассоциаций. К тезаурусным реакциям можно отнести реакции *деревня*, *рисует*. Остальные реакции звукобуквенные, это ассоциации по созвучию со словом-стимулом, их довольно много: *палка*, *polėkis* [полет, порыв], *palengvėjimas* [облегчение], *paleolitas* [палеолит], *lengva* [легко], *paliesti* [дотронуться], *lengvas* [легкий], *palme* [пальма], *kažkas su lenkais susiję* [что-то связанное с поляками], *lenkas* [поляк]. Две последние реакции являются не только отражением отсутствия знания о реалии, стоящей за ИС, но и того, как звуковая форма слова *Палех* в сознании информантов ассоциируется с названием национальности (им, очевидно было известно польское имя *Лех*). Как отсутствие адекватных представлений образа ИС можно рассматривать реакции типа *ругательство*, *баранка*, *что-то мягкое*, *зеленое* и под. Почти все русскоязычные информанты идентифицируют ИС *Палех* с известным русским народным промыслом по производству шкатулок, о чем свидетельствуют реакции

ремесло (5), *промысел* (3), *шкатулки* (3), *красно-черное, лакированные изделия, русские сказки, роспись, село, папье-маше*.

ИС *Кижы* не идентифицировали 35 испытуемых-литовцев, и только три реакции в этой группе можно отнести к уровню тезауруса: *сибирская деревня, деревня, старая русская деревня*. Около 15 реакций, свидетельствующих об отсутствии адекватных представлений об этом топониме, являются звукобуквенными: *ežys* (3) [еж], *лыжи, ежи, ежик, жуки, грузин*. Среди тезаурусных есть и явно ошибочные: *грибы* (2), *что-то съедобное, старинная русская обувь, одежда*. Реакции-ассоциации русскоязычных испытуемых — *музей* (12), *деревня-музей, народное искусство, деревянные церкви, величие, Русский север, зодчество, застывшая красота, остров, крестьянские дома, избы* — несомненно свидетельствуют о том, что они знают это место и чем оно славится.

Стимул *Хохлома* некоторые литовские студенты идентифицировали так: *село* (2), *город* (3), *фольклор, деревня, из русского народного творчества*. У большинства же реакции были по созвучию как русским, так и литовским словам: *ха-ха, халва, кукла, хата, хлам, хохол, смех, борода, karčiama* [корчма], *dykuma* [пустыня]; кроме того, это ИС вызвало ряд реакций, подтверждающих отсутствие в сознании литовских информантов адекватного образа слова-стимула: *что-то связанное с Украиной, мечеть, тундра, болото, простыня, характеристика плохого поведения, восточный материал, ящик с мусором, название продукта, еда*. Русскоязычные же студенты дали разнообразные тематические, образные и оценочные реакции: *роспись* (3), *шкатулка* (6), *расписная ложка* (4), *золото, черный фон, золотистая посуда, блеск, красота из дерева*.

ИС *Гжель* вызвало у литовских информантов реакции, близкие по звучанию со словом-стимулом: *geležis* [железо], *želė* [желе], *железо, japoniškaī 'želė'* [по-японски желе]. В ассоциативном поле *Гжель* всего несколько реакций тематического характера: *фарфор* (2), *вид русской керамики, ряд керамических изделий, бело-голубые орнаменты, вид посуды, красота* (2). Русскоязычные испытуемые адекватно соотносят ИС *Гжель* с промыслом по производству художественной керамики: *синяя посуда, цветастая посуда, синие узоры, красивая чашка, голубые изразцы, синяя роспись, голубые цветы на чашке, Россия, русский промысел* (2), *дорогая посуда, фигурки животных*.

На ИС *Суздаль* некоторые информанты-литовцы отреагировали словами: *город* (11), *монастырь, церкви* (3); у большинства же реакции были явно неадекватными: *композитор, писатель, какой-нибудь*

деятель, ругательство. Реакции *ūsai* [усы] и *суслик* мы рассматриваем как созвучные со словом-стимулом. Русскоязычные информанты дали ассоциации, отражающие наличие у них адекватных сведений о стимуле: *город* (18), *Россия* (2), *русский город, церковь* (3), *Центральная Россия, Золотое кольцо* (3).

Таким образом, анализ реакций информантов, полученных нами в результате свободного ассоциативного эксперимента, показал, что у большинства информантов — литовских студентов — недостаточны или вообще отсутствуют представления о проанализированных реалиях, связанных с русской культурой. Их ассоциативные реакции в сопоставлении с реакциями русскоязычных информантов отличаются значительно меньшим количеством тезаурусных и оценочных ответов, что подтверждает идею о том, что в основе языковой образности и оценочности лежит система знаний [Караулов 1987, 176]. Примечательными являются у информантов-литовцев многочисленные реакции звукобуквенного характера, основанные на подобии слову-стимулу. Очевидно, реакции такого рода возникают чаще всего при отсутствии адекватных знаний и представлений об обозначаемом ИС объекте, а также эмоционально-оценочных ассоциаций, связанных с объектом. В звуковых ассоциациях литовских информантов мы отметили реакции двух типов: со словами родного языка и со словами русского, чужого: Кижичи — *ежи, лыжи, ежус* [еж]; Хохлома — *халва, хата, дыкута* [пустыня], *karčiama* [корчма]; Гжель — *želė* [желе], *гель*; Палех — *polėkis* [полет, порыв], *lenkas* [поляк], *палка*. Возникновение подобных образов свидетельствует о том, что в сознании информантов — носителей литовского языка, в ходе опытов активизируются их знания русского языка. Эта возможность согласуется с наблюдением о том, что “малознакомые имена ищут свое место в системе лексики, вступая в разнообразные ассоциации со словами, хоть чем-то им подобными” [Суперанская 1973, 286].

Полученные данные позволяют утверждать, что ИС-реалии родной культуры обычно вызывают у испытуемых большее количество реакций (как тезаурусных, так и прагматических), чем ИС, являющиеся принадлежностью неродной культуры. Выявленные в результате эксперимента образные представления носителей литовского языка и культуры отражают их восприятие ИС-реалий русской культуры именно как чужой. Сопоставление же ассоциативных полей ИС-стимулов, полученных от русскоязычных испытуемых, со словарными статьями названного лингвострановедческого словаря показывает, что в языковом сознании русскоязычных информантов присутствуют ас-

социации, соответствующие сведениям, представленным в этом словаре, которые, видимо, являются в определенном смысле стандартными (стереотипными) для носителя русской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По мнению Томахина, "ассоциативные эксперименты, проводимые с целью выявления национально-культурных ассоциаций, предъявляемых информантам слов родного (или чужого) языка" показывают, что "связь лексического значения с "роем ассоциаций", окутывающих данное понятие, присутствует в сознании носителей языка и культуры постоянно, входит в тезаурус, а то, что мы наблюдаем в речи является лишь эксплицитным проявлением ассоциативных связей имплицитно существующих в языковом сознании" [1991, 87].

² Мы отдаем себе отчет в том, что эти стимулы не являются банальными и культурноносными даже для многих русских в самой России; очевидно, однако, что они являются таковыми для образованной части русского общества. Предполагаем, что фоновые знания об избранных для опыта ИС, по идее, должны приобретаться у представителей иных культур по мере того, как они, изучая русский язык, знакомятся с русской культурой и историей.

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю.Н., 1987: *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Молчановский В.В., 1984: *Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация*: Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва.
- Суперанская А.В., 1973: *Общая теория имени собственного*. Москва.
- Томахин Г.Д., 1991: Различия в семантике лексических единиц языка интеркоммуникации в зависимости от национальных культур коммуникантов, in *Русский язык и современность*, ч. I. Москва, 85–93.
- Томахин Г.Д., Фомин Б.Н., 1986: Проблематика сопоставительного лингвострановедения, in *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы*: Доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ 1986. Москва, 252–261.
- Томахин Г.Д., 1982: *Америка через американизмы*. Москва.
- Чернявская Т.Н., 1984: *Художественная культура СССР*: Лингвострановедческий словарь. Москва.